

НАРРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Н.И. Клушина

В статье рассматриваются нарратив и нарративные практики как значимые структурные элементы современного медиадискурса. Нарратив представлен как сложный феномен, который необходимо изучать с позиций нескольких научных перспектив – как самостоятельный жанр, как первичный жанр в структурах вторичных повествовательных жанров, как дискурсивные практики, как политические стратегии, Современная нарративная журналистика, заимствуя из художественной литературы нарративные практики, получает новые креативные возможности для воздействия на аудиторию и для формирования общественного сознания

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нарратив, нарративные практики, первичный и вторичный жанр, нарративная журналистика

КЛУШИНА Наталья Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. nklushina@mail.ru

Цитирование: Клушина Н.И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 1. – С. 24–35.
Режим доступа: www.tverlingua.ru

NARRATIVE PRACTICES IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Natalia I. Klushina

The article analyses the narrative and narrative practices as significant structural elements of contemporary media-discourse. Narrative is presented as a complex phenomenon that must be studied from several scientific perspectives - as an independent genre, as a primary genre in the structures of secondary narrative genres, as discursive practices, and as political strategies, Modern narrative

journalism, deriving narrative practices from fiction, gets new creative opportunities to influence the audience and to shape public consciousness.

KEY WORDS: narrative, narrative practices, primary and secondary genre, narrative journalism

KLUSHINA Natalia I. – DSc in Philology, Professor, Professor of the department of Russian Language stylistics of Lomonosov Moscow State University. nklushina@mail.ru

Citation: Klushina N.I. Narrative practices in contemporary Russian media discourse [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 1. – P. 24–35. Access mode: www.tverlingua.ru

*Грант РФФИ «Креативная функция языка в интернет-коммуникации»
№ 20-012-00077*

Нарратив и журналистика мнений

В современном медиадискурсе условно выделяются две коммуникативные сферы, различающиеся по медиастилистической подаче информации, которые получили название *журналистика новостей* и *журналистика мнений*. Журналистика новостей выполняет первичную для медиакommunikации функцию информирования, имеет устоявшуюся жанровую структуру, особую концептуальную составляющую (фактологичность, достоверность, объективность) и стилистическую «упаковку» (нейтральность, нулевая эмоциональность, официально-деловой строй языка). Журналистика мнений отражает важнейшую тенденцию в современном медиадискурсе – тенденцию к использованию нарративных стратегий и собственно нарративов для выстраивания эмоциональных отношений с адресатом, чтобы получить сильный перлокутивный эффект и в то же время уйти от прямого идеологического давления (Клушина, 2018). В отличие от новостного медиадискурса, дискурсу нарративному присуща

субъективность, эмоциональность, сюжетность, интрига, драматизм и художественный строй языка.

В российском медиадискурсе нарративная журналистика только формируется, но формируется весьма активно, поскольку она опирается на существовавшие в русской культуре традиции нарратива, понимаемого как способ осмысления мира и объяснения действительности (например, русские сказки, коррелирующие с античными мифами), как жанр (очерк), как особый тип речи (повествование). Опираясь на данные традиции, современная нарративная журналистика вырабатывает новые нарративные стратегии (сторителлинг) и особые коммуникативные и стилистические формы подачи жизненных историй, что привело к развитию блогинга. Сторителлинг и блогинг становятся глобальными, доминирующими во всем мире нарративными практиками, поскольку они поддерживаются стремительным технологическим развитием интернет-коммуникации и в полной мере отвечают запросам новой аудитории эпохи интернета.

Нарративные практики сегодня успешны не только в медийном коммуникативном пространстве, но и в психологии, политике, пиаре, педагогике и других социально значимых областях общественной жизни.

Таким образом, нарратив – это сложный феномен, который в современной медиастилистике профилируется как первичный жанр, как элемент в структуре вторичных жанров, как дискурсивная стратегия, как конкретные коммуникативные практики и как интенциональный способ осмысления действительности.

Нарратив и русская филологическая мысль

Исторически в русской науке существует термин *повествование*, который соотносится с современным пониманием нарратива.

М.В. Ломоносов, разрабатывая стилистическую теорию, писал: «Описанием называется слово или часть оного, где представляется вещь или деяние. Представление деяний называется особливим именем — повествование. Сей род слова во всем красноречии имеет великую силу,

занимает большую часть оно и не только в прозе и в стихах господствует, но и многие целые книги состоят из описаний и повествований. Таковы суть истории: Иродотова, Ливиева, Тацитова, Курциева и прочие весьма многие, также героические поэмы, драмы и прочая» (Ломоносов, 1952).

Современное учение о типах речи включает в себя три основных составляющих: описание, повествование и рассуждение. Описание выполняет презентационную функцию в тексте, поскольку с помощью описания автор может дать представление о внешности героя, пейзаже, обстановке, детально раскрыть внутреннее состояние автора или героя и т.п. Рассуждение выполняет функцию аргументативно-доказательную, потому что является способом проявления аргументации авторской точки зрения или точки зрения персонажа, с помощью рассуждения строятся логические умопостроения героев, объясняются причины их поступков, выстраивается внутренняя и внешняя мотивация их поведения и т.п. Повествование выполняет сюжетобразующую функцию, потому что именно повествование рассказывает о действиях главных героев и ходе течения событий. И таким образом эти три базовых типа речи в различных сочетаниях и комбинациях составляют речевую структуру любого произведения, вне зависимости от его жанра.

Современная научная трактовка нарратива, имея пересечения с концепцией о типах речи (а именно в понимании повествования как особого типа речи, обеспечивающего в тексте движение сюжета), все же лежит в другой плоскости – в нарратологии как значимой концепции в философской теории постмодернизма и поэтому выходит за рамки только филологического подхода.

Постмодернистская концепция нарратива

Становлению нарратологии во многом способствовали идеи русских ученых (А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, В. Шкловский, Б.В. Томашевский, В. Я. Пропп и др.). Эти идеи нашли свое дальнейшее развитие в трудах западных исследователей (Р. Барт, Л. Долежел, Ж. Женетт, М. Баль, В.

Шмид, Дж. Принс, С. Чэтман, Ю. Мюзарра-Шредер, Я. Линтвельт, М.-Л. Райан, Ю. Кристева, М. Л. Пратт, М. Риффатерр, П. Ван ден Хевель, Ж. Курте и др).

В постмодернизме нарратив уже с самого зарождения данной концепции трактовался не как синоним повествования, а как событийность. Причем событийность в нарратологии рассматривается как неразрывное сосуществование двух событий: первое – то, о котором рассказано в произведении, и второе – событие самого рассказа. Так, Е.В. Падучева предложила разграничивать две коммуникативные ситуации: полноценную (возникающую между говорящим и слушающим в разговорном дискурсе произведения) и неполноценную (возникающую между повествователем и читателем) (Падучева, 2010).

Таким образом, нарратив в постмодернизме определяется как специфический способ повествования, в котором фиксируется процессуальность. Нарратив рассматривается как самодостаточный и самоценный анализ истории, событий, человеческой жизни и т.п. через авторскую интерпретацию.

На развитие концепции нарратива повлиял дискурсивный поворот в лингвистике, при котором в нарративе стали выделять несколько структурных элементов: история, повествование в собственном смысле, дискурс и наррация. По мнению Ж. Женнета, история и наррация нужны для повествования. В качестве нарратива повествование существует благодаря связи с историей, в качестве дискурса повествование существует благодаря связи с наррацией, порождающей его (Женетт, 1998).

В нарратологии строго отграничиваются категории автора-нарратора и героя-персонажа истории, о котором повествует автор. Именно автор задает угол зрения в рассказывании истории, выбирает детали, интерпретирует события и расцвечивает историю своими эмоциями. Нарратор знает финал истории и ведет своего героя по сложному сюжетному пути к этому финалу. Сам герой, который является также субъективным центром нарратива, в

отличие от автора не знает финала своей истории и действует свободно внутри сюжета истории. «Событийный хаос» (Ингарден, 1962) таким образом преобразуется автором-нарратором в увлекательный рассказ. Финал в концепции постмодернизма – важнейшая составляющая нарратива, который и задается в конечном счете именно финалом.

Необходимо отметить, что в русской филологической науке академиком В.В. Виноградовым была детально разработана оригинальная концепция образа автора в художественном произведении, в которой автор и герой принципиально не совпадали. Данное разграничение автора и героя имеет принципиальное значение и для современной журналистики, в первую очередь для блогинга, когда автор-нарратор интерпретирует окружающую действительность через призму собственного мировоззрения, стиля мышления, авторского слога.

Еще одним важным положением в постмодернистской концепции нарратива является разграничение сюжета и фабулы, также берущее истоки в русской филологической мысли, а именно в идеях русской формальной школы (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский и др.).

Не менее важную роль для нарратологии сыграли идеи В.Я. Проппа о функциях и мотивах главных героев русских волшебных сказок. «Морфология волшебной сказки», выявленная В.Я. Проппом, – это различные модели построения сюжетов, основывающихся на реализации функций главных героев, дополненные мотивами их поступков.

По мнению В.Я. Проппа, функция – это постоянный, неизменный элемент сюжета, а персонажи и средства – переменные (Пропп, 1998). Исходя из анализа ста русских волшебных сказок Пропп выделил 31 функцию, причем у каждой функции он определил *набор средств*. К функциям были отнесены *запрет, нарушение запрета, выведывание, подвох, вредительство, посредничество* и др. Данные функции приводят к различным поворотам сюжета, их комбинация дает возможность каждый раз создавать оригинальный, неповторимый нарратив. Современные нарративы,

особенно в интернет-коммуникации, также строятся на комбинации данных функций, которые наличествуют не только в сказках, но и в реальных жизненных историях.

Постмодернисты, основываясь на выявленных В.Я. Проппом базовых структурах построения сюжетов, развивали нарратологию в данном направлении в основном за счет оптимизации функций и выявления их обязательного набора. А.-Ж. Греймас сокращает 31 функцию В.Я. Проппа вначале до 20 функций, а затем и до 5 (Греймас, 2004). А. Р. Барт углубляет трактовку функций и дополняет их катализаторами и индексами (Барт, 2000).

Таким образом, нарратология в философии постмодернизме наследовала многие филологические идеи и обрела свои четкие теоретические контуры. Сегодня она занимает достойное место в современной лингвистической, в том числе медиалистической теории и журналистике.

Нарратива в современном медиадискурсе

Проакцентируем свое понимание нарратива. Итак, для нас нарратив – сложный лингвистический феномен, который можно рассматривать как самостоятельный жанр с особой структурой и речевой организацией, а можно рассматривать как особый способ подачи информации в рамках других жанров. И тогда следует говорить о нарративных жанрах, то есть жанрах, в структуру которых включен нарратив.

К нарративным жанрам можно отнести очерк (в российской традиционной типологии жанров), фичер (features в англо-американской традиции), лонгрид (мультимедийный жанр, возникший в интернете и построенный на использовании новых цифровых технологий), сториз (видеожанр в Инстаграмм) и другие жанры, в которые включен авторский рассказ о каких-либо событиях, авторское повествование, поскольку нарратив обязательно имеет сюжет и авторскую, личную интерпретацию событий. Как автор формирует и преподносит сюжет, так читатель и

воспринимает рассказанную автором историю, а через личностную историю – окружающую его действительность. Поэтому для нарратива особое значение имеет образ автора-нарратора, его система взглядов, личностный опыт, эмоции и рефлексия, которые отражаются в построении им сюжета и интерпретации событий. Автор-нарратор получает огромную власть над аудиторией в интернет-коммуникации, поскольку современная аудитория в интернете как раз и ищет не официальную точку зрения и не официальную информацию, а совсем наоборот – авторский неповторимый стиль, уникальную авторскую мысль и откровенные эмоции.

Нарративная история отличается увлекательностью и эмоциональностью. В отличие от повествования (как типа речи), которое чаще всего разворачивается медленно и поступательно, нарративу присуща легкость, которую «нарративное воображение может вдохнуть в тяжеловесную действительность» (Кальвино, 1999).

Именно поэтому нарратив включается как микрожанр во многие макрожанры (пост, блог, паблик и т.п.) на различных сетевых площадках. Доля нарративных жанров неуклонно растет, поскольку они вмещают в себя человеческое измерение поступающей информации, обеспечивают движение информации от человека к человеку.

Нарративная журналистика

В современном медиадискурсе нарратив становится универсальным средством представления событий окружающей действительности (Клушина, Николаева, 2000). Журналистский нарратив – увлекательная история о произошедших событиях, рассказанная автором-журналистом. Норман Фэрклаф отмечает, что «значительная доля продукции средств массовой информации состоит из нарративов» (Фэрклаф, 2002). Как видим, нарратив становится важнейшим способом рассказа о событиях в медиадискурсе.

В США нарративная журналистика представлена очень весомо. Начиная с 60-х годов XX века, произведения «новой журналистики» печатаются там в таких изданиях, как *The New Yorker*, *Harper*, *Esquire* и др.

«С конца XX века в Америке издаются печатные и онлайн-версии журналов, специализирующихся исключительно на журналистских нарративах: Creative nonfiction, Fourth Genre, River Teeth. Существуют интернет-журналы: Nieman Storyboard, Brevity, Atlantic Unbound; форумы: Salon, Slate и др.

Существуют различные премии, которыми награждаются достойные журналистские нарративы: The Pulitzer Prize, The Worth Bingham Prize for Investigative Journalism, J. Anthony Lukas Prize Project, Taylor Family Award for Fairness in Newspapers, I. F. Stone Medal for Journalistic Independence и т.д.» (Санникова, 2019).

В российском медиадискурсе нарративные практики также становятся очень востребованными. Х. Гадамер отмечал, что подлинная свобода реализуется посредством нарративных практик в их плюрализме: «все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать» (Гадамер, 1991).

Нарратив как личностная история сегодня занимает значительное место в неофициальном сегменте интернет-коммуникации. Нарративность становится наиболее отличительной чертой авторских блогов, которые представляют собой субъективно рассказанную историю. «...Для того, чтобы самое банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его рассказать. Это-то и морочит людей; каждый человек – всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней...» (Сартр, 2006).

Нарративные практики активно используются и в традиционной журналистике: в телевизионных ток-шоу (например, «Пусть говорят» и др.), в современной тревел-журналистике, которая, опираясь на достижения путевых очерков (например, А.П. Чехов «Остров Сахалин» и др.), также построена на конструировании увлекательного нарратива.

Мы видим особую роль нарративных практик и в современной политической жизни общества. Нарратив может стать той самой искомой

«мягкой силой» для «настройки» массового общественного сознания, когда на примерах личных историй (например, героических подвигов, биографий незаурядных людей и др.) выстраиваются социумные ориентиры, консолидируется общество (аналогию, например, можно найти в горьковской легенде о горящем сердце Данко). В таком случае нарратив как сложная ментальная структура становится альтернативой двухмерным (черно-белым) идеологемам и лозунгам, и, в отличие от последних, не вызывает раздражения своей тоталитарностью.

Таким образом, журналистский, в том числе политический, нарратив, используя лекала художественной литературы для построения увлекательных историй, отличается от литературы подлинностью событий и фактологичностью, с одной стороны, но с другой – такой способ рассказывания историй лишен ненужного пафоса и официоза, что позволяет нарративным практикам быть востребованными в современном медиадискурсе.

Ссылки – References in Russian

Барт, 2000 – *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000 – С. 196–238.

Гадамер, 1991 – *Гадамер Г.-Г.* Неспособность к разговору // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. –С. 82–92.

Греймас, 2004 – *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминой. – М.: Академический проект, 2004. – 368 с.

Женетт, 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры. В 2-х томах. Том 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

Ингарден, 1962 – *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 572 с.

Кальвино, 1998 – *Цит. по*: История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение: Учеб. для филол. спец. вузов / Алексеев М.П. [и др.]. 5 -е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 1999. – 462с.

Клушина, 2018 – *Клушина Н.И.* Медиастилистика. – М.: Флинта, 2018. – 184 с.

Клушина, Николаева, 2020 – *Клушина Н.И., Николаева А.В.* Введение в интернет-стилистику. – М.: Флинта, 2020. – 240 с.

Лиотар, 1998 – *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.–СПб.: «Алетейя», 1998. – 160 с.

Ломоносов, 1951 – *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР ... – 1951. – 726 с.

Падучева, 2010 – *Падучева Е.В.* Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении. – № 2 (20). 2010. – С. 5–25.

Пропп, 1998 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов В.Я. Проппа. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 19.

Санникова, 2019 – *Санникова Е.В.* Современный медиатекст в нарративно-стилистическом аспекте. – Магистерская дисс., МГУ, 2019. – 250 с.

Сартр, 2006 – *Сартр Ж.-П.* Тошнота. – СПб, «Азбука-классика», 2006. – 256 с.

Фэрклаф, 2002 – *Fairclough, N.* Media Discourse Текст / N. Fairclough. – L.: Edward Arnold, 2002. – 214 p.

References

Barthes, R. (2000) Introduction to Structural Analysis of Narrative Texts // *French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism*, Moscow, Progress, pp. 196–238. (in Russian).

Calvino, I. (1998) // In: *History of Western European Literature. The Middle Ages and the Renaissance: Textbook for Philological Universities* / M.P. Alekseev [et al]. 5-Ed. updated and supplemented, M., Vyssh. shk. 462 p. (in Russian).

Fairclough, N. (2002) *Media Discourse Текст.* / N. Fairclough, L., Edward Arnold, 214 p.

Gadamer, G.-G. (1991) *Inability to Speak // The Relevance of Beauty*, Moscow, Arts, pp. 82–92. (in Russian).

Greimas, A.-G. (2004) *Structural Semantics: A Search for a Method*, Moscow, Academic Project, 368 c. (in Russian)

Genette, J. (1998) *Figures*. In 2 volumes, volume 1, Moscow, Publishing house of Immanuel Sabashnikov, Sabashnikov Publishing House (in Russian).

Ingarden, R. (1962) *Studies in aesthetics*, Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 572 p. (in Russian)

Klushina, N. (2018) *Mediastylistics*, M., Flinta, 184 p. (in Russian)

Klushina, N., Nikolaeva, A. (2020) *Introduction to Internet stylistics*, M., Flinta, 240 p. (in Russian)

Liotard, J. (1998) *The State of the Postmodern*. Saint-Petersburg: Aletheia, 1998. (in Russian).

Lomonosov, M. (1951) *The Complete Collection of Works-Moscow*, Leningrad, Acad., 726 p. (in Russian)

Paducheva, E. (2010) *Interpretation of Time Forms in Narrative and Hypotactic Context // Russian Language in Scientific Illumination*, N 2(20), pp. 5–25. (in Russian)

Propp, V. (1998) *Morphology of the magic tale. Historical roots of the magic tale // Collected Works of V.Y. Propp*, Moscow, Labirint, pp. 19 (in Russian)

Sannikova, E. (2019) *Modern media text in narrative and stylistic aspect*, Master's thesis, MSU, 250 p. (in Russian)

Sartre, J.-P. (2006) *Nausea*, SPb, Azbuka-Klassika, 256 p. (in Russian)